

LE TERRORISME ET LA LIBERTÉ EN RUSSIE
par M. Dragomanov.

ТЕРРОРИЗМЪ И СВОБОДА,

МУРАВЬИ И КОРОВА

ОТВѢТЪ НА ОТВѢТЪ „ГОЛОСА“

Dragomanof, Mikhail (Petrovich)
M. Драгоманова.

Harvard College Library

Gift of

IVAN PANIN, Grafton,

25 Mar. 1896

Slav 1455.2

Мы охотно признаемъ, что заглавіе настоящей статейки мало соответствовать серьёзности предметовъ, о которыхъ мы думаемъ трактовать и что оно слишкомъ напоминаетъ заглавіе басенъ блаженной памяти Кузьмы Пруткова. Но, право, вини въ этомъ должна падать не на насъ, а на ту газету, по поводу статьи которой мы должны говорить о предметахъ весьма серьёзныхъ и для насъ, и для читателей.

Дѣло вотъ въ чёмъ:

Рядъ политическихъ убийствъ и покушений повсюду за собою объявление Россіи на военномъ положеніи, а наконецъ назначеніе вице-императора, гр. Лориса-Меликова. Вицеимператоръ издалъ прокламацию, въ которой обѣщаешь искорененіе источника вышеупомянутыхъ «смутъ», а вмѣстѣ и возвращеніе Россіи на путь мирнаго развитія. Спустя известное время послѣдовали иѣкоторыя перемѣны въ высшей администраціи, — напр. отставка шефа жандармовъ, по томъ перемѣна министра народнаго просвѣщенія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено было о предстоящей амнистіи для части сосланныхъ административнымъ порядкомъ, особенно для студентовъ. Иѣкоторые наивные люди и въ Россіи, и за границей пришли въ умиленіе и отъ прокламаций, и отъ личныхъ перемѣнъ, и отъ обѣщаній, — и даже воспылали разными надеждами. По поводу этого умиленія и надеждъ мы напечатали двѣ статейки: «Соловья баснями не кормятъ» и «Было бы болото, а черти будутъ», — въ которыхъ посильными соображеніями и ссылкой на исторію старались доказать, что такъ называемая «смута» не можетъ быть искоренена, — и, главное, никакое серьезное движение Россіи впередъ не возможно, если не будуть измѣнены ея основные законы въ направлении политической свободы.

По поводу этихъ то нашихъ брошюръ «Голосъ» написалъ намъ «ответъ», — при чёмъ иѣкоторыя части его редактировать такъ, какъ будто онъ отвѣтствъ намъ отъ имени самаго вицеимператора Россіи. Но, къ сожалѣнію, петербургская газета ничего не отвѣтила по существу дѣла, — а перескочила черезъ вопросъ, кавалерски обошлась съ поставившимъ его и закончила весьма спутанною аллегоріей о трудолюбивыхъ муравьяхъ и праздной коровѣ. Вместо того, чтобы нашимъ политическимъ требованіямъ и мыслямъ противуставить свои, — «Голосъ» записалъ насъ въ «русскую соціально-революционную партію», какую затѣмъ онъ и изобразилъ, какъ самъ

захотѣлъ, — и потомъ начать намъ доказывать все неприличе для настъ, какъ для члена этой партіи, толковать о политической свободѣ. Затѣмъ послѣ страннаго моленія, обращеннаго къ намъ лично о томъ, чтобы мы «употребили свое вліяніе, чтобы новое (?) и отрадное (!!!) теченіе, показавшееся въ нашей администраціи (т. е. кормленіе соловья баснями!) не было прервано какимъ нибудь возмутительнымъ пассажемъ», — разсказываетъ намъ о томъ, какъ какіе то трудолюбивыя муравы къ числу которыхъ, конечно, редакція причисляетъ себя, а можетъ быть и гр. Лорис-Меликова, за кого-раго она говоритъ, — потихоньку строятъ свое жилище и какъ время отъ времени ихъ работу разрушаетъ праздная и лѣнивая корова, — т. е. русскіе революціонеры. Въ заключеніе скромная газета грозитъ разсердиться и обратиться съ своими муравьями въ грозную силу, — «которая де прихлощаетъ «соціально-революціонную» корову, такъ что и слѣда (отъ нея) не останется».....

Волей не волей мы должны теперь обсуждать затронутые вопросы въ странныхъ рамкахъ, данныхъ нашимъ возражателемъ.

Начнемъ съ покорѣйшей просьбы включить насъ не только изъ «русской соціально-революціонной», но и изъ какой бы то ни было «русской» партіи. Мы хотя и родились отъ «подданныхъ русскаго императора», но мы не русскій ни въ одномъ изъ тѣхъ двухъ смысловъ этого слова, въ какихъ оно обычно употребляется. — Мы не великорусъ, — а украинецъ, и какъ таковой, мы членъ націи, которая не только подавляется въ «русскомъ» государствѣ, въ *Rossii*, и правительствомъ, а отчасти и обществомъ господствующей національности, но и помѣщается и за предѣлами *Rossii*: въ Австро-Венгрии.

Поставивъ себѣ главною цѣлью работать, по мѣрѣ нашихъ силъ и умѣнія, на пользу нашего народа, мы можемъ говорить о «русскихъ» (великорусскихъ и россійскихъ) дѣлахъ лишь по стольку, по скольку они касаются нашего народа; — мы можемъ по стольку же входить въ соприкосновеніе и съ «русскими» партіями, но отнюдь не можемъ помѣщаться всесцѣю ни въ какую изъ нихъ. Это должно бы быть известно и «Голосу», который называетъ насъ «издателемъ украинофильской (?) «Громады».*). Дальше мы въ этой самой «Громадѣ» не однократно заявляли, что вся наши мнѣнія мы высказываемъ лично отъ себя, а вовсе не отъ какой либо партіи или даже группы. По этому, во избѣженіе всякихъ недоразумѣній, мы и подписываемъ все свои политическія статьи и въ «Громадѣ», и виѣ ся. Когда настанетъ намъ время говорить вмѣстѣ съ какой либо партіей, или по ся уполномочию, — тогда вмѣстѣ съ нашей будуть стоять и подписи другихъ членовъ партіи, или будетъ напечатанъ мандатъ, подписанный нашими довѣрителями. До тѣхъ же поръ мы просили бы нашихъ возражателей, начинать съ «Голоса», — если они уже удостоиваются настъ спора, — то и спорить прямо противъ нами высказанныхъ мнѣній, оставя на сторонѣ всякия, а особенно «русскія» партіи.

За тѣмъ, конечно, мы должны просить «Голосъ» спорить съ тѣми мнѣніями, которыя мы дѣйствительно высказывали, а не съ тѣми, какія ему угодно намъ накинуть или за насъ сочинить. Такъ напр., — если уже кому угодно говорить съ нами о тѣхъ явленіяхъ,

*). Самы мы зовемъ свой сборникъ „украинскимъ“, а не „украинофильскимъ“ и частенько полемизируемъ съ старыми украинофилами въ *Rossii* и въ Австро-Венгрии.

каких теперь зовутся въ Россіи «смутой», — т. о. о тайныхъ политическихъ убийствахъ, — то мы напомнимъ, что мы о нихъ высказали весьма определенное мнѣніе при самомъ ихъ началѣ, — а именно въ «Листкѣ Громады» 1878 г.

Въ этомъ листкѣ мы старались показать, что ни одно изъ нальвавшихъ въ послѣднее время шуму въ Россіи и въ Европѣ покушеній и убийствъ, — кроме убийства ирландскаго лорда Лейтгрина, ни съ какими явлениями соціального характера прямаго соотношенія не имѣетъ. Покушеніе же Пассаніанте, о которомъ вспоминаетъ намъ въ писку «Голосъ», есть просто случайность, которая въ Италии и не имѣла ровно никакихъ послѣдствій ни для политическихъ партій, которыхъ остались каждая на свое мѣсто, ни для соціальныхъ, изъ которыхъ интернационалистовъ, какъ прежде преслѣдовали, на сколько можно было при тамошнихъ порядкахъ, такъ преслѣдуютъ и послѣ покушенія. Въ Германіи Бисмаркъ, правда, извлекъ для себя пользу изъ покушеній Геделя, — который долженъ быть устраненъ изъ всякихъ партій, такъ какъ онъ самъ отрицалъ даже намѣреніе стрѣлять въ короля, и Нобилинга, который былъ собственно республиканецъ, а не соціалистъ; — Бисмаркъ вынудилъ у парламента законъ противъ соціалистовъ, подобно тому, какъ русскіе крѣпостники 1866 г. извлекли себѣ пользу изъ покушенія Каракозова, — но покушеніе Нобилинга черезъ то соціалистическимъ не стало: европейскіе соціалисты борются съ капиталомъ, — а что значитъ въ этой борьбѣ не только одна, но и всѣ коронованныя головы? Наконецъ всѣ эти западно-европейскія покушенія существенно отличаются отъ совершившихъ въ послѣднее время въ Россіи тѣмъ, что они всѣ изолированы и потому уже довольно случайны. Такія покушенія бывали и прежде и будутъ долго въ послѣдствіи. Рядъ же убийствъ и покушеній въ Россіи представляютъ явленіе гораздо болѣе серьезное, — и если вдуматься въ нихъ, совершило законообразное. Достаточно посмотреть на категорію лицъ, противъ которыхъ они направляются, чтобы определить ихъ характеръ: лица эти: шлюзы, прокуроръ, полиціймейстеръ, жандармы, наконецъ царь, — все слуги и представители власти политической, а не экономической, какъ напр. подрядчики, фабриканты, помѣщики.*). Чтобы понять значеніе этихъ убийствъ и покушеній нужно отрѣшиться отъ юридической точки зрѣнія, — все равно карательной, или восхвалительной, — а стать на точку зрѣнія общественно-фізіологическую. На такую точку зрѣнія остановились мы, когда писали въ «Листкѣ Громады» по поводу одесского дѣла о вооруженномъ сопротивлѣніи жандармамъ и петербургскаго убийства Мазенцова и прокламаціи «Смерть за смерть» слѣдующее:

«По газетнымъ изѣстіямъ о дѣлѣ Ковалевскаго выходило, что это былъ первый случай, когда мирные россіянине отважились систематически оборонять себя и свой домъ отъ государственныхъ властей и разбойниковъ, — и для всякого честнаго человѣка, хотя бы онъ

*) Весьма можетъ быть, что если въ вышеупомянутыхъ западно-европейскихъ покушеніяхъ и есть какая либо законосообразность, то она заключается въ эпидемическомъ подражаніи покушеніямъ русскимъ, — хотя и при совершении иныхъ условіяхъ. По этому враги этихъ покушеній на Западѣ должны бы были вместо того, чтобы кричать противъ «русскихъ нигилистовъ», — выступить противъ русскихъ политическихъ порядковъ, которыхъ послѣдствія отражаются и за границей.

быть и не социалистъ, не можетъ быть двухъ мнѣній о такой самооборонѣ. Это не то, что тайное убийство шпиона, относительно котораго общество могло и не знать, точно ли онъ такъ виноватъ, чтобы его нужно было убивать, *) и даже не то, что тайное убийство, хотя бы и на улицѣ, самаго шефа тайной полиціи. Тайное убийство можно простить, или понять его причину, или еще, смотря на такія явленія, какъ историкъ, можно понять ту пользу, какую оно принесло тѣмъ, что обратило вниманіе общества на причину, которой оно вызвано. Но прославлять тайное убийство, ставить его въ примеръ и систему нельзя. Но менѣйшой мѣрѣ оно останется все таки дѣломъ совѣсти тѣхъ, кто его сдѣлалъ, дѣломъ, о которомъ сторонний человѣкъ можетъ сказать только: «вѣро, иначе нельзя было поступить», — или «вѣро, убитый довелъ человѣка до такого поступка». Совѣсть же общественная всегда и вездѣ возстасть противъ того, чтобы тайное убийство «становилось системою», — а люди съ идеями о коренной перемѣнѣ общественныхъ порядковъ, напр. социалисты, когда слышать о какихъ то тайныхъ судахъ, о карательныхъ комитетахъ, когда видѣть листки съ страшными печатями и т. д., — то не могутъ не видѣть во всемъ этомъ остатковъ все тѣхъ же старыхъ порядковъ, которые эти люди хотятъ перемѣнить, — остатковъ всѣхъ «высшихъ соображеній», — «исключительныхъ мѣръ», «raison d'état, raison du parti» и т. д. **) Другое дѣло — явная самооборона отъ врага своего и — всего общества! Тутъ не только чистая, но и средство найчистѣйшее, вполнѣ достойное этой высокой цели. Выше самообороны стоитъ только явное нападеніе на этого врага, попытка освободить отъ него все общество. А такой врагъ, о которомъ не можетъ быть двухъ мнѣній у всѣхъ сколько нибудь уважающихъ себя и понимающихъ общественный строй людей, — такой злой врагъ есть тайная полиція, постыдившая изъ опоръ, на которыхъ держится царское самодержавіе».

Переходя далѣе къ убийству Мезеницева, къ правительенному по поводу него воззванію и прокламаціи «исполнительнаго комитета», — мы говорили, что и правительству вовсе не къ лицу говорить «о исключительныхъ злодѣйствахъ враговъ общественного порядка», но что и листокъ «исполнительнаго комитета» затемнилъ дѣло. «Между тѣмъ,

*) Ср. наше мнѣніе о покушеніи на убийство г. Гориновича, — въ „Громадѣ“ т. II, стр. 267 и дальше въ „Листкѣ Громады“ примѣчаніе къ письму г. Я. Стефановича.

**) Не трудно сдѣлать изъ этихъ словъ о необходимости и для революционеровъ, особенно для социалистовъ не отступать изъ за временныхъ «интересовъ партіи» отъ основныхъ началъ общественности, наведеніе и на позднѣйшія дѣйствія нѣкоторыхъ южныхъ кружковъ, въ родѣ кражи въ банкѣ, покушеній на ограбленіе почты и т. п. дѣйствій, которыхъ имѣстъ съ такими прежними, какъ напр. подложные телеграммы въ Кіевѣ, подложный манифестъ къ чигиринскимъ крестьянамъ и т. п. (о чёмъ мы тоже въ свое время говорили. «Громада», IV, 210—211) неизбѣжно должны были повредить кредиту «русской соціально-революціонной партіи» и въ обществѣ, и въ народѣ. Наше мнѣніе, которое представляетъ только частное примѣченіе основнаго нашего принципа: чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ, — не изолировано. Въ томъ же духѣ высказался не очень давно и другой социалистъ-украинецъ г. Подолинскій въ статьѣ «Socialisme, nihilisme et terrorisme» въ Revue Socialiste, 1880, № 6.

говорили мы, — дѣло это само по себѣ необыкновенно ясно! Мезенцевъ съ другими шефами жандармовъ, которые и до сихъ поръ преблагополучно проживаютъ и даже благодаря Александру Николаевичу, который сдѣлать изъ оберштюцкой службы какую то школу «государственныхъ знаній», — Мезенцевъ съ Тимашевымъ, Шуваловымъ, Потаповымъ, съ министрами, какъ Паленъ, съ массою жандармовъ и прокуроровъ причинили столько безчеловѣчной муки столькимъ сотнямъ, если не тысячамъ людей, у которыхъ у каждого есть отцы и матери, братья и сестры, дѣти и друзья, — что дивно не то, что Мезенцевъ убить, а то что это случилось такъ поздно и съ однимъ только Мезенцевымъ. Каждый мѣсяцъ читаемъ мы, какъ на судахъ разбираются дѣла объ убийствахъ, совершаемыхъ по причинамъ далеко менѣе злыхъ, чѣмъ тѣ муки и горе, какое терпѣть въ России «политические преступники», ихъ родственники и друзья, — и ежемѣсячно мы видимъ, какъ присяжные не рѣшаются взять на свою совѣсть сказать: «да, — виновенъ!» Именио «та среда, изъ которой выходятъ убийцы царскихъ слугъ», состоять изъ людей слишкомъ добрыхъ, слишкомъ мягкихъ: именно эта доброта и мягкость да соціалистическія идеи о томъ, что „корень зла не въ лицахъ Мезенцевыхъ, Шуваловыхъ и т. д., а въ тѣхъ порядкахъ, которые даютъ имъ силу“, — только эти причины еще и держатъ на свѣтѣ вскихъ Мезенцевыхъ, Шуваловыхъ, Тимашевыхъ, Паленыхъ съ ихъ подручниками. А не будь того и другого, — то все бы эти Мезенцевы и безъ вскихъ „карательныхъ комитетовъ“ и „судовъ сопольно-революціонныхъ партій“ валились бы ежеседѣльно, — и всякий „правый судъ“ присяжныхъ гражданъ, — если бы убийца рассказалъ передъ нимъ все, что у него на сердѣ, — не сказалъ бы ничего, кроме: „нѣть, — не виновенъ!“

«А правительство, — т. е. тѣ же самые Мезенцевы, зовутъ всю Россію спасать ихъ. Кого? — Новую опричницу, которой не достаетъ только тѣхъ собачьихъ головъ, которыи открыто носятъ на палкахъ „III-е отдѣленіе опричной канцеляріи Его Величества царя Ивана Васильевича IV“. И находятся люди, которые, думая, быть можетъ, про себя о Мезенцевѣ и подобныхъ ему рыцаряхъ ордена собачьей головы, — что—де: „собакѣ собачъ и смерть“, — пишутъ статьи и адресы о возмутительныхъ злодѣйствахъ и насилияхъ изъ за угла наѣзъ исполнителями правительственныхъ предначертаний!“

«Что же такое III отдѣленіе.... какъ не „возмутительное злодѣйство и насилие изъ за угла, возведенное въ систему и въ государственное учрежденіе?.... И Россія будетъ терпѣть „тайны розыскныи канцеляріи, сколько бы имѣть имъ не было!“ Будетъ плакать по ихъ „злыхъ, подлыхъ и бездѣльныхъ“ шефахъ?! Защищать и сохранять ихъ на дальше?!!“

Конечная мысль всей этой нашей статьи озаглавленной „Если биться, то уже не мириться“, — это мысль о потребности организаціи широкой и открытой борьбы противъ всего теперешняго политического, церковнаго и соціального строя Россіи, — но борьбы безусловно чистыми средствами.

Уже изъ выписанныхъ словъ «Голосъ» можно увидѣть, въ чѣмъ и насколько наши взгляды различаются отъ тѣхъ, какіе высказаны въ петербургскихъ прокламаціяхъ «исполнительнаго комитета», по которымъ, съ примѣсью собственной фантазіи, «Голосъ» характеризуетъ ту «партию», къ коей мы будто бы принадлежимъ. Но дѣло не въ этомъ только; — изъ выписанныхъ словъ видно, какъ не трудно было еще въ 1878 г. предвидѣть, что политическія убийства по

лучше знакомы съ положениемъ дѣлъ въ Россіи; — они знали, что слѣдствіе «о превышении власти» г. Треповыемъ есть эпизодъ изъ басни «Крестьяне и Рыка», — и потому пропустили мимо ушей аргументъ прокурора, который бы имѣлъ силу только тогда, когда бы судь надъ г-жею Засуличъ отправлялся послѣ суда надъ г. Треповыемъ, — какъ бы слѣдовало быть и по хронологическому порядку преступлений. Но, какъ известно, г. Треповъ былъ осъпанъ знаками монаршаго благоволенія, а оправданная присяжными г-жа Засуличъ, если бы не догадалась скрыться, была бы давнымъ давно упрятана куда нибудь административнымъ порядкомъ.

Дѣло Мезениева, — при всей личной репутациіи этого жандарма, — Александръ Николаевичъ опять таки сдѣлать своимъ личнымъ дѣломъ и объявилъ изъ за него всю Россію на военномъ положеніи, при чмъ дошелъ до смѣшнаго, обративши въ военно-политическія дѣла всія столкновенія мужиковъ и бабъ съ урядниками. (См: издание процессы). Въ крайнемъ осудѣніи Александръ Николаевичъ обратился къ «обществу», прося и его помочь ему въ войнѣ съ врагами Треповыхъ и Мезениевыхъ. Нашлись и въ этомъ обществѣ люди, которые хотѣли съ защищеною, но замѣтили ему устами нѣсколькихъ земскихъ адресовъ, особенно изъ украинскихъ губерній, — что треповско-толстовскій режимъ имъ не совѣтъ симпатиченъ. Но Александръ Николаевичъ не винилъ и этому предостереженію, — а распустить пуще прежняго своихъ жандармовъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ Александрѣ Николаевичу служитъ то, что адресовъ этихъ было мало и что большая часть даже этихъ адресовъ была наполнена недостойными сожалѣніями по шефъ жандармовъ и столь же недостойными, сколько и нерасчетливыми выходками противъ «враговъ правительства». *) Конечно, Александръ Николаевичъ сдѣлалъ ошибку, принявъ за чистую монету обычныя холопскія фразы, но и адресоподаватели, даже самые смѣлые, сдѣлали большую ошибку, пропустивъ моментъ рѣшиительно высказаться противъ устарѣлаго и безчеловѣчнаго политическаго строя и тѣмъ предупредить то, что должно было неизбѣжно случиться. Послѣ этого выстрѣль Соловьевъ, — а дальше, особенно послѣ подчиненія Россіи областнымъ сатрапамъ, изъ которыхъ дѣйствія Толглебена съ Панютиномъ теперь не рѣшаются защищать даже и правительственные агенты, — два динамитные взрыва случились, какъ совершенно неизбѣжныя явленія. Своего рода судь присяжныхъ произнесъ свой приговоръ и по этимъ дѣламъ — отказомъ Франції выдать Гартмана, — и если этого отказа самъ Александръ Николаевичъ не хочетъ считать за судебній приговоръ, — то ему остается только обратиться съ новымъ требованіемъ о выдачѣ Гартмана къ Англіи; — англійскій приговоръ онъ получить уже прямо отъ суда, какъ получить его Наполеонъ III по дѣлу сообщника Орсии Бернара: «нѣтъ, не виновенъ!»

И теперь, по вопросу «о смутѣ», при всей Лорисъ-Меликовщинѣ, — въ которой «Голосъ» убѣждаетъ нась видѣть «новое и отрадное теченіе, показавшееся въ нашей администраціи», — положеніе дѣлъ въ сущности осталось прежнєе. Нѣкоторое смягченіе политическихъ строгостей и нѣкоторое облегченіе участія заподозрѣнныхъ, болѣе

*) Не слѣдовало бы забывать, что самый поводъ «земцамъ» высказать ихъ мысли данъ быть все таки «этими врагами», — подобно тому какъ и теперь все Лорисъ-Меликовское «послабленіе» есть все таки результатъ усилий открытыхъ «враговъ правительства».

впрочемъ общанное, нежели исполненное,— все это весьма невелика уступка общественному мнѣнію, весьма опредѣленному относительно двухъ пунктовъ: подчиненія чиновниковъ закону и неприкосновенности личности безъ нормального суда. А главное, если бы *уступки* были и большія, то все они не прочны,— ибо *не упрочены даже законодательными актами, исходящими отъ монарха, не говоря уже о представительныхъ учрежденіяхъ*. Сегодня мягче, — завтра строже; у одного сатрапа легче, у другаго — туже. Какой же тутъ разонъ останавливать рѣчь мины тѣмъ, кто это разъ началъ? А завтра произойдетъ какой нибудь взрывъ, хоть бы и неудачный, или завтра кто нибудь изъ людей близкихъ къ лицамъ, замученнымъ какимъ нибудь Толстевицомъ или Чериковымъ, пожелаетъ отмстить налачу,— и что будетъ съ самою Лорисъ-Меликовщиною?

Нѣтъ, даже если понимать вопросъ «о смутѣ» въ Россіи такъ узко,— исключительно только въ рамкахъ вопроса о политическихъ убийствахъ, то мы решительно не видимъ разона, почему бы эта смута могла быть усыпана баснями гр. Лориса-Меликова и пѣснями «Голоса». И если бы дѣло шло только объ одной прѣбѣ, все таки гр. Лорисъ-Меликовъ, если онъ сколько нибудь серьезный и искренний человѣкъ, долженъ бы бывть попробовать тѣ мѣры, какія были указаны нами въ брошюре «Соловья баснями не кормить»; а именно,—

- 1) Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.
- 2) Снятие воинскаго положенія и отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣръ и судовъ.
- 3) Упраздненіе III отдѣленія и всѣхъ тайныхъ судовъ и административныхъ ссылокъ.
- 4) Предоставленіе свободы печати, обществъ и сходокъ.
- 5) Созывъ земскаго собора, — который одинъ можетъ обеспечить прочность вышеписанныхъ мѣръ.

Но независимо отъ исключительныхъ явлений, каковы политическая убийства, политическая свобода сама по себѣ составляетъ потребность всякаго общества, — во всякомъ времени, — а въ настоящее время всѣ дѣла Россіи дошли до того, что дальше медлить съ установлениемъ этой свободы было бы гибельно во вслическихъ отношеніяхъ: национальныхъ, культурныхъ, экономическихъ и т. д. Мы такъ много говорили объ этой потребности, — и говорили вовсе не со вчерашняго дня для того, „чтобы поймать на декларацию по 1789 г.“ тѣхъ легковѣрныхъ, которыхъ будто бы «нельзя уже поймать на декларацию по Бабефу и по Бебелю», какъ (добросовѣстно!) увѣряетъ «Голосъ», — а съ самаго 1872 г., а особенно съ начала сербско-болгарского движения, въ 1875—76 гг. (см. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, „Турки внутренніе и виновніе“ и т. д.) что выразѣ болѣе не говорить уже объ этой потребности. Мы начнемъ только «Голосу», который иронически жалѣтъ, что мы не написали проекта политической свободы для Россіи, подобно тому, какъ написали проектъ (!!) «федералистической» пропаганды соціализма, — что съ своей стороны не только написали, но даже въ свое время изъ за него приняли на себя ругательства отъ «Набата» и упреки, сотрудника „Чернаго Передѣла“ г. Я. Стояновича *) „Голосъ“ найдеть нашъ проектъ если не въ брошюре „Внутреннее рабство и война за освобождение“ (1877), то въ листкѣ „До чего доевались?“ (1878) перепечатанномъ петербургской вольной типографіей подъ названіемъ „Результаты

*) См. „Община“ 1878 № 8 и 9 статью Я. Ст—ча и отъѣти нашъ.

послѣдней войны". Вотъ толькъ минимумъ, который мы предлагали еще три года тому назадъ:

- 1) Неприкословенность лица и жилища для полиціи.
- 2) Неприкословенность всѣхъ національностей въ частной и публичной жизни (изъ школахъ, судахъ и т. д.).
- 3) Свобода и равноправие всѣхъ происходящихъ.
- 4) Свобода печати, обучения, сходокъ и обществъ.
- 5) Самоуправление общинъ, земствъ (уѣздовъ и губерній) и областей.
- 6) Земскій соборъ и ответственность передъ нимъ и передъ судомъ всѣхъ чиновниковъ. *)

За такие „проекты“ намъ совсѣмъ съ другой стороны читались поученія въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаются намъ „Голосъ“, — а именно, что соціалисту непріличны подобныя ереси „конституціонизма“. Мы, грѣшный человѣкъ, ко всѣмъ правовѣріямъ и мундирамъ имѣемъ весьма мало страха и когда высказываемъ какое нибудь требование, то всего менѣе думаемъ о томъ, идетъ ли оно къ какому либо партіонному мундиру, или нѣтъ, а думаемъ лишь о томъ: вытекаетъ ли оно изъ какой нибудь реальной потребности общества, или нѣтъ? Но „Голосъ“ напрасно себѣ представляется, что всѣ соціалисты такъ уже равнодушны къ вопросу о политическихъ порядкахъ въ государствахъ, среди которыхъ имъ приходится не только коротать свой вѣкъ, но и пропагандировать населенію свои идеи. Публицисты „Голоса“, до самаго проф. Градовскаго включительно, уже не разъ доказали малое свое знакомство съ европейскимъ и даже россійскимъ соціальными движеніями. **) Чтобы не выходить даже за предѣлы послѣдней статьи „Голоса“, мы должны имъ замѣтить, — что напр. когда во Франціи среди рабочихъ поднялся вопросъ о томъ, какъ отнести сѣ Наполеоновскимъ порядкамъ, то Лозанскій конгрессъ „Международного общества рабочихъ“ въ 1867 г. заявилъ, что „такъ какъ отсутствие политической свободы составляетъ препятствіе для общественного воспитанія народа и освобожденія пролетаріата, — то и постановляется: 1) Что соціальное освобожденіе работниковъ нераздѣльно отъ освобожденія политического, 2) что установление политической свободы есть мѣра первой необходимой потребности, 3) что настоящее постановленіе будетъ возобновляться ежегодно, — 4) что объ этихъ резолюціяхъ будетъ сообщено официально всѣмъ членамъ М. общества Р., а также Конгресса Мира, съ просьбой объ ихъ энергическомъ содѣстствіи къ тому, чтобы доставить всѣмъ народамъ неотъемлемыя права 1789 г.“ А по Бебелю.., такъ и самая соціальная революція произойдетъ тогда, когда парламентъ наполнится депутатами отъ народа и классовое государство превратится въ народное государство (*Volksstaat*), — такъ что и петербургскій „исполнительный комитетъ“, съ которымъ сражается „Голосъ“, — въ своей „Программѣ“ только стоялъ на точку зренія нѣмецкихъ соціал-демократовъ „по Бебелю“.

*) Послѣ этихъ общихъ, политическихъ, требованій мы считали нужнымъ прибавить, по настоящему положенію Россіи, еще два, особаго характера: 7) Пересмотръ всего соціально-экономического положенія народныхъ массъ. 8) Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.

**) Такимъ несѣствомъ объясняются и слова „Голоса“ о деспотической „громадѣ“, которой будто бы мы хотимъ подчинить личность.

Мы вовсе не раздѣляемъ иллюзій „исполнительного комитета“ относительно соціально-демократического характера возможнаго земскаго собора въ Россіи и весьма плохо вѣруемъ въ спасеніе міра черезъ парламентскихъ депутатовъ, будь они все Бебели,—но мы ни на минуту не затруднимся въ выборѣ между иѣмецкими политическими партиями, даже теперешними, и россійскими по Шувалову ли, по Годтлебену ли, или по Лорису-Меликову. Памятая крѣпко слова нашей народной пѣсни о томъ, что „людейская кровь не водица“, — мы не можемъ, по совѣту „Голоса“, „наплевать“ хоть бы на то, будуть ли цѣлый поколѣій гнить по казематамъ и катограмъ за то, за что въ Европѣ много-много приходится посидѣть мѣсяцъ — другой въ тюрьмѣ, — будутъ ли, по приказу самодурнаго деспота, лишены гражданскихъ правъ сотни лучшихъ дѣвушекъ страны за то единствено, что онѣ уѣхали учиться въ Швейцарию, когда имъ не даютъ учиться дома и проч., и проч... Наконецъ то, что самое существенное въ политической свободѣ: неприкосновенность лица, свобода его национальности, слова, совѣсти, — свобода сходокъ, обществъ, мѣстнаго самоуправлѣнія, — мы считаемъ также существенно необходимымъ для жизни, какъ кислородъ въ воздухѣ, — а на извѣстной степени его разжиженія отнюдь нельзя „наплевать“ даже на самую малую дозу его.

Вообще мы всегда считали большою ошибкою со стороны иѣкоторой части русскихъ соціалистовъ противугосударственниковъ (ан-архистовъ) то, что они ставили россійскую имперію въ рядъ съ другими государствами, которымъ тоже борются противъ соціализма. Французская республика, особенно лицемѣрные и трусливые слуги ея, а часто и враги ея, засѣвшіе въ Версалѣ, сдѣлали тысячи жестокостей противъ защитниковъ Парижской Коммуны, — но припомните: сколько же въ самомъ дѣлѣ страсти должно было накопиться у партий во Франціи во время послѣднихъ дней Наполеона и, двухъ осадъ Парижа, — и подумайте: что же такого подобнаго случилось въ Россіи съ начала 60-хъ годовъ и до самаго взрыва динамита въ зимнемъ дворцѣ? А иѣль во Франціи вогъ-вогъ воротятся на полную волю и права послѣдніе защитники Коммуны, — а когда же Петербургъ увидитъ хоть бы исповиннаго ни въ капѣ крови Н. Г. Чернышевскаго?

Нѣтъ, — россійская имперія еще не государство, — даже не бюрократія, потому что и въ старой прусской бюрократіи обижалася государемъ баба могла говорить: „есть судья въ Берлинѣ!“ — это старая московская „государева вотчина“, осложненная въ немосковскихъ земляхъ, петербургскою военнouю диктатурою, а въ послѣднее время еще и иетерцимою церковностью московскаго „обрусенія“. Въ такомъ государствѣ жить никому нельзя, — а не московскимъ народамъ вдвойней. Вотъ почему еще мы, въ качествѣ украинца, вдвойней считаемъ необходимыми усилия съ цѣлью добиться въ возможно близкомъ будущемъ установленія въ Россіи политической свободы, которую мы, кроме всего прочаго, считаемъ замѣной нашей национальной независимости.

Этой политической свободы, хотя и не въ одинаковой степени, но желаютъ вмѣстѣ съ нами весьма многіе въ Россіи. Вѣдь вы не скроете же, что въ послѣднее время многіе изъ земцевъ, изъ ученыхъ, литераторовъ высказались, хотя и весьма робко, въ такомъ же духѣ, въ какомъ вогъ уже иѣсколько лѣтъ высказываемся мы. Вопросъ только въ томъ, какъ дѣбить эту желанную свободу. Большинство умѣренныхъ людей, лицъ „съ положениемъ“, думаетъ, къ

сожалению, что получить эту свободу хныканьем или даже лицемерным заявлением преданности к презираемому им правительству. Авторы петербургских прокламаций думают добить ее повторенными политическими убийствами. Мы думаем, что хныканье и лицемерие не ведут ровно ни к чему, — политическая же убийства, отложив даже в сторону их нравственных неудобств, — имеют только отрицательное значение: они унижают правительство, но не испровергают его, не дают ничего на замену его. Вывести Россию на новую дорогу может, по нашему мнению, только **открытое нападение** на ее политический строй, нападение **словомъ и дѣйствіемъ** со стороны правильно организованныхъ **политическихъ обществъ**, составленныхъ изъ людей гражданскихъ и военныхъ по всемъ ея областямъ, среди всѣхъ ея народовъ.

Впрочемъ мы обѣ этомъ уже отчасти говорили въ вышесказанныхъ брошюрахъ и въ „Громадѣ“ съ ея „Листкомъ“, и поговоримъ скоро въ особой брошюре. А теперь мы должны поскорѣе покончить съ „Голосомъ“ и потому обратимся къ его аллегоріи о трудолюбивомъ муравѣ и лѣнивой коровѣ, — благо, предметъ этотъ какъ разъ подходитъ къ тому, что мы сейчасъ написали.

По „Голосу“ лѣнивою коровою выходятъ соціалисты. Это значитъ и Робертъ Оуэнъ, и Сенъ Симонъ, Прудонъ, Марксъ, Лассаль и т. п. — все лѣнивые, праздные коровы. Пусть прочтетъ „Голосъ“ хоть въ англійскихъ газетахъ, по поводу вопроса обѣ амнистіи во Франции, отзывъ о парижскихъ коммунарахъ проживающихъ въ Англіи, какъ о рабочихъ, изъ которыхъ весьма многие успѣли занять трудомъ своеимъ блестящее положеніе въ индустріи Лондона. А коли не погнувшаяся петербургская газета, то можетъ найти и въ нашей „Громадѣ“, т. IV, стр. 229, свѣдѣнія о тѣхъ работникахъ членахъ Коммуны 1871, которые были первоклассными рабочими въ своихъ специальностяхъ.

Но перейдемъ въ Россію: Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ, Добролюбовъ и др.—а изъ теперешнихъ г. Лавровъ, профессоръ высшей военной школы, кн. Крапоткинъ, секретарь отдѣленія р. географ. общества, — будуть все лѣнивые коровы? Пусть „Голосъ“ прочитаетъ хоть судебные политические процессы, отбывшіеся недавно въ Россіи, — и увидитъ, что дѣвицы Бардина, Субботинъ и др. были прекрасныя студентки, Соловьевъ былъ очень хороший учитель, другие были прекрасными мастеровыми и т. д. Все это лѣнивые, праздные коровы!

„Голосъ“ скажетъ, можетъ быть: ну, не лѣнивые, но съ разгоряченнымъ воображеніемъ, которое выбило ихъ изъ обычной колеи, а потомъ сдѣлало и праздными. Мы не станемъ спорить противъ того, что подобного рода элементъ есть въ русской соціально-революціонной средѣ, какъ и во всякой другой, — и даже, принимая во вниманіе условия воспитанія благородного сословія въ Россіи, болыше, чѣмъ въ другихъ. Но чтобы вся эта сфера состояла даже изъ такихъ людей, этого „Голосъ“ фактически не докажетъ. Дѣло въ томъ, что основное положеніе соціализма, т. е. ученіе о томъ, что обезпеченіе довольства за каждымъ членомъ общества не возможно, при теперешнемъ строѣ его и безъ обращенія земли, воды и инструментовъ труда въ общую собственность, — это ученіе чѣмъ дальше, все болыше приобрѣтастъ характеръ научной истины, къ которой съ разныхъ сторонъ приходятъ люди труда физического и умственнаго, при умѣ, наблюдательности и искренности. „Голосъ“, подобно многимъ другимъ прекраснымъ душамъ въ Россіи, приходитъ въ умы отъ нищеты, все болыше распространяющейся въ нашихъ се-

лахъ. Но вѣдь эту нищету предсказали еще въ началѣ 60-хъ годовъ лѣнивые коровы, въ родѣ Огарева, разбирая „новое крѣпостное право“ т. е. прославляемое на всѣ голоса „Положеніе о крестьянахъ“ 19 февраля 1861 г. Петербургская и московская газетная братія волновалась изъ за злоупотреблений, обнаруженныхъ пожаромъ на фабрикѣ Гирваговскаго и умилалась назначению ревизіонной надзѣи фабриками комиссіи съ участіемъ молодаго ученаго, автора статьи о фабричныхъ законахъ въ Англіи и т. п. Да, — теперь, послѣ того какъ соціально-революціонная агітација не только намозолила глаза, но и продырявила стѣны дворца, — теперь назначаютъ комиссію и приглашаютъ въ нее своего рода катедрѣ-соціалистовъ, — но мы можемъ напомнить и даже показать десятки статей, въ которыхъ описывалось самыи скромнѣйшимъ образомъ положеніе рабочихъ на русскихъ фабрикахъ и который цenzура не пропускала, потому-де, что въ нихъ поднимался „соціальный, рабочій вопросъ“. — Мы напомнимъ, что въ тоже время разные господа изъ русскихъ національныхъ либераловъ и славянофиловъ уверяли, что соціально-рабочаго вопроса въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ. А вотъ онъ, оказывается, есть и будетъ со временемъ рости. Национальные либералы умилются при видѣ того вниманія, какое оказываются народному быту молодые беллетристы и ученые, разрабатывавшіе преимущественно вопросъ о причинахъ крестьянскаго обѣденія и обѣи общинѣ, въ которой почти всѣ они видятъ средство задержать это обѣденіе и поправить его послѣдствія. Но вѣдь между этими этнографами „народниками“ и учеными катедрѣ-соціалистами съ одной стороны и между „соціалистами-революціонерами“ съ другой есть очень много точекъ соприкосновенія, особенно въ теоретическихъ основахъ. Добрая доля русскихъ революціонеровъ-народниковъ даже не чужда русофильскихъ иллюзій народниковъ, такъ сказать, легальныхъ. Если русские Шульце-Деличи, кустарефилы, артелефили, судосберегатели, вовсе не чужды были вліянія прежнихъ соціалистовъ 60-годовъ, то и новые народники-этнографы и ученые общинники принадлежатъ къ тому же поколѣнію, что и „ходившіе въ народъ“ люди процессовъ московскаго 1877 г. и петербургскаго 193-хъ соціалистовъ. Очень часто между ними разницу сдѣлали только темпераментъ да особенности личнаго положенія, — и если одни оказались теперь сидящими болѣе на право, то при другихъ политическихъ условіяхъ многіе изъ нихъ были бы на мѣстахъ гораздо болѣе лѣнныхъ, а съ другой стороны, конечно, добрая доля „соціалистовъ-революціонеровъ“ оказалась бы современемъ гораздо менѣе революціонною. Но собственно и не въ этомъ вѣдь зло, — а въ томъ, что въ нашъ вѣкъ Струссберговщины и пролетаріата, въ вѣкъ серьезной мысли надъ экономическими вопросами, весьма многіе, именно не праздные и не лѣнівые умы, неизбѣжно приходить къ соціалистическимъ идеямъ, — а разъ они пришли, то уже одна искренность поведеть ихъ къ тому, чтобы говорить народу *всю правду*, а не половину и не четверть ея. И вотъ-такъ господа, которые такъ любятъ посхищаться правоискательствомъ и искренностью, какъ качествами будто бы преимущественно отпущенными богомъ для русской души, теперь объявляютъ всѣхъ дѣйствительно искреннѣихъ правоискателей лѣнівыми и праздными коровами!

По сдѣланію уступки „Голосу“. Признаемъ за истинныхъ муравьевъ лишь людей не только безъ горячаго темперамента, но и безъ синтеза, но при этомъ все таки не эгоистовъ, а тружениковъ для общей пользы. Посмотримъ, каково въ Россіи положеніе этихъ муравьевъ, — и

кто выйдет относительно ихъ нравою-разрушительницею. Мы человѣкъ не особенно бывалый и человѣкъ исключительно учительско-писательского цеха. Но мы можемъ указать „Голосу“ не мало примеровъ изъ нашего края и изъ сферы болѣе намъ близкой: учителей и учительницъ, медиковъ, фельдшеровъ и фельдшерицъ, слугъ земства, волостныхъ писарей, этнографовъ, статистиковъ, — людей, которые, кто по личнымъ особенностямъ, а кто извѣршивши въ широкихъ планахъ, — взялись за самыя скромныя, но безспорно полезныя дѣла съ истинно муравьиною мелочностью.*). И что же? Всюду находилась корова въ лицѣ попа, кабатчика, исправника, крѣпостника-помѣщика, инспектора, губернатора, жандарма, ministra, которая разоряла при помощи административного произвола и ихъ работу, и ихъ личную жизнь. Многимъ изъ такихъ муравьевъ такое коровье разореніе дало и синтезъ, и даже темпераментъ, — и они пошли въ революціонеры; другие такъ и остались въ недоумѣніи: съ вопросомъ что же дѣлать?! Пусть хоть „Голос“, или лучше нѣсколько большихъ газетъ, которыхъ величаются своими услугами обществу, обратятся къ своимъ провинциальнымъ корреспондентамъ съ предложениемъ сдѣлать разслѣдованіе о всѣхъ такихъ муравьяхъ по разнымъ концамъ и о всѣхъ такихъ коровьихъ разореніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ, — да пусть следутъ итоги, то и увидятъ, — кто въ Россіи муравьи, а кто лѣнивая корова и что такое играетъ роль лапы ся?

А съ нашей стороны, вирѣль до общей „парламентской анкеты“, — мы приведемъ два факта тоже изъ нашего края, факты припомнить которые будетъ тѣмъ болѣе интересно, что къ одному изъ нихъ не безприкосновеніе и „Голос“.

Вотъ Вы теперь печетесь о молодежи и возлагаете надежды на то умиротвореніе, какое внесетъ въ школы нашъ новый министръ, г. Сабуровъ. «Берегъ» такъ даже пересираетъ наши статьи, уверяя, будто мы потому и бралимы (?) гр. Лориса-Меликова, что онъ заботится о молодежи. Такъ вотъ мы помнимъ время, когда въ Киевѣ попечителемъ округа былъ человѣкъ, лучше которого не скрою подберешь: Н. И. Пироговъ. Школы при немъ управлялись коллегіальнымъ образомъ, — университетская молодежь имѣла свободу корпоративную. И что же? Не сошелся извѣстный ученый съ извѣстной ханжею, женой генераль-губернатора, — даѣте оказался не по рукѣ жандармской средѣ вообще, — и не смотря даже на то, что самъ царь два раза одобрялъ подаваемый Пироговымъ записки объ управлении школами, — онъ былъ тѣмъ же царемъ отставленъ. Скоро потомъ на развалинахъ его системы царь посадилъ круглого певѣжу и ханжу кн. Ширинскаго-Шихматова, — который даже Острожскаго считалъ нигилистомъ и который персонально учителей съ мѣста на мѣсто и преслѣдуя «заносчивѣе популярности», убѣль всякую моральную связь учащихъ и учащихся, — а системою лицемѣриаго ханжества и подборомъ начальниковъ учебныхъ заведений уничтожилъ вслѣй здоровый педагогический авторитетъ. Наконецъ татарскаго муллу, «магометову ревность къ православію примѣнившаго», смѣнилъ военный генералъ, котораго правление ознаменовалось высыпкою 140 человѣкъ студентовъ въ мѣста столъ и не столъ отдаленные!... А вотъ другой фактъ:

Было нѣкогда въ нашей Украинѣ нѣкоторое количество индиви-

*). „Голосъ можетъ найти не мало фактовъ и въ нашей „Громадѣ“, особенно во II томѣ въ статьѣ «Народні школи на Українѣ» и въ IV т., въ статьѣ: «Грунт, книжка і препъатствія».

дуумовъ, которыхъ классъ предоставляется определить „Голосу“. Звѣри эти занимались между прочимъ такими праздными дѣлами, какъ изученіе своего края, литература вообще и на народномъ языке въ частности, народное образованіе и т. п. Были эти звѣри всякаго цвета идей: и материалисты, и деисты, и западники, и восточники, и соціалисты, и индивидуалисты и пр. и пр. Общаго же у нихъ было: известный вкусъ къ привычнымъ интересамъ, любовь къ своему краю и народу. Удалось какъ то некоторымъ изъ этихъ звѣрей вмѣстѣ съ другими подобнаго рода заложить въ Киевъ гнѣзда подъ именемъ юго-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Общество было открытое, — и попало въ него вслѣдъ звѣри и всякие звѣри сей-песъ въ него результатъ своей праности: свѣдѣнія о народной музыке, словесности, хозяйствѣ, кустарной промышленности, — о климатѣ страны, населеніи и домахъ города и т. п. Независимо отъ общества членами его и не членами издавались въ Киевѣ труды о тѣхъ же предметахъ, а также книжки для народнаго чтенія по истории, физикѣ, медицинѣ, агрономіи и т. д., которыхъ расходились до 30,000 экземпляровъ въ годъ безъ всякой офиціальной поддержки. Петербургскія ученые общества назначали кievскимъ звѣрямъ медали и преміи, иностранцы, прославляемые русскою печатью гг. Рольстонъ, Рамбо и даже Леруа Белье, — находили интересъ въ трудахъ этихъ звѣрей, которые стѣмѣли привлечь къ со участію въ своихъ работахъ по родинѣ єдинію и соплеменниковъ изъ Галиціи, Буковины, и Венгрии и при томъ лицъ разныхъ, до тѣхъ поръ враждовавшихъ между собою кружковъ.

Вдругъ, — столь полезные муравы, какъ предатель Костомарова тайный соѣтникъ и личный шпіонъ М. В. Юзефовичъ и снискавший себѣ вѣчную память министръ народнаго покораченія гр. Дм. А. Толстой и его помощникъ полуграмотный кн. Ал Пр. Ширинскій-Шихматовъ — въ добавокъ еще лично обиженные некоторыми изъ кievскихъ лѣнивыхъ звѣрей, — который позволили себѣ литературную критику ихъ ставныхъ дѣлъ и изданій, а также пресловутой выписки заезжавшихъ чеховъ и мадьяръ въ просвѣтители нашего юношества и подтасовки заявлений общественныхъ симпатій*), — вдругъ, говоримъ, столь полезныя созданія рѣшились разорить украинскія гнѣзда и расточить по лицу земли ихъ членовъ. Ихъ ничего легче: на то есть въ Россіи самодержецъ! Его и выпустили расправиться, благо онъ самъ долженъ былъ проѣзжать черезъ Киевъ. Явился онъ въ Киевъ въ сентябрь 1875 г., изрекъ: „безпорядки!“ и назначить комиссию изъ гр. Толстого, Тимашева, Поганова и Юзефовича для разслѣдованія этихъ беспорядковъ и принятія мѣръ противъ нихъ. Говорить, даже мѣстный генераль губернаторъ, кн. Дундуковъ-Корсановъ былъ противъ комиссіи и соѣтовалъ ограничиться состоявшимся по высочайшему повелѣнію изгнаніемъ болѣе боливаго звѣря изъ университета, — и сначала было успѣть изъ этомъ личными убийствами самодержца въ тѣяхъ Ливадіи. Но потѣ же черезъ не сколько мѣсяцевъ не подадилъ за что то Тимашевъ съ кн. Дундуковыми, — и комиссія собралась въ маѣ 1876 г. и продиктовала мудрыя рѣшенія: юго-западный отдѣлъ географ. общества закрыть, двумъ членамъ его (изъ гражданинами преміями) запретить проживательство въ южнорусскихъ губерніяхъ и въ столицахъ, — а кроме того воспретить печатаніе

*.) См. «По поводу кievскихъ застольныхъ речей» (гр. Юзефовича, гр. Толстого и др.) Вѣстникъ Европы 1874. XII

украинскихъ книгъ и даже текстовъ къ нотамъ, а также театральные представления, пѣніе и декламацию на украинскомъ языке. Высочайший самодержецъ подписалъ: «быть по саму! За симъ пошли писать малкіе самодержцы..... и началась чистка края отъ „украинофиловъ“, — преимущественно по школьному вѣдомству: поны доносили, инспектора призывались въ частные квартиры скромныхъ и усердныхъ тружениковъ и выключали ихъ изъ службы за то, что у нихъ въ квартирахъ находили книги обѣихъ краѣвъ, дозволенные цензурою, за то что они записывали этнографические материалы.

Къ указанной исторіи, — а не аллегоріи, — надо прибавить, что сотрудники „Голоса“ съ своей стороны приложили руки ко всему этому раззоренію: гг. Бильбасовъ и Модестовъ писали статейки и псевдо-протоколы въ „Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“ и въ журналъ Каткова, въ которыхъ доказывали, что въ иѣкої диссертациѣ въ университѣтѣ кievскомъ цитируется Чернышевскій и даже прославляется цареубийство, — „Голосъ“ печаталъ статьи „обѣихъ украинофильскихъ“ увлеченийъ, сложившихся подъ влияніемъ польской интриги и проявившихся въ кievскомъ археологическомъ съѣздѣ. А теперь „Голосъ“ кидаетъ грязью въ Каткова, хвалить монарха за то, что, освободивъ Болгарію отъ Туркіи, освободилъ въ Россію отъ гр. Толстого. Теперь „Голосъ“ лебезить передъ нами, и въ тоже время грозитъ совершить чудо: прихлопнуть насть какъ лѣнивую корову, каковая до разоряется его съ трудомъ воздвигаемый муравейникъ, который онъ думаетъ завершить подъ снисходительною ферулою гр. Лорисъ-Меликова.

Жалкіе люди! — не ужели вы еще смѣете не признавать, что даже если съузить понятіе обѣ общественной дѣятельности до понятія о работѣ лишенныхъ синтеза и теплой крови настѣкомыхъ, — и то придется сказать, что праздная и лѣнивая корова, которая разоряется всѣ общественные начинанія, — есть самодержавіе шпіоновъ и чиновниковъ, истекающее отъ самодержавія царскаго и имѣ, какъ лапою орудующее! Нѣтъ, — довольно даже за послѣдніе двадцать лѣтъ русская дѣйствительность учила этому и горячихъ, и скромныхъ людей, но только людей съ умомъ и сердцемъ, — чтобы они могли не винить этимъ урокамъ. Нужно дѣйствительно быть теленкомъ, — чтобы не только сохранить уваженіе къ системѣ правительства, но даже чтобы допустить поддѣлъ себя на самыхъ симпатическихъ личныхъ перемѣнъ и временныи послабленія, — совершаемыхъ по принципу не такъ давно провозглашенному одною офиціозною газетою: *лица, а не мѣры!* (шеп. поп. *mespris*)

Нѣтъ, — и не лица, и не мѣры, а совѣтъ новые законы и учрежденія!

Вотъ чего теперь должны требовать для Россіи всѣ, члы и горячія, и скромныя начинанія разбивались обѣ произволъ организованный въ монархически-полицейскія учрежденія. Каждый по своему, порознь и вмѣстѣ, эти люди должны бороться, пока не повалить то чудище, которое топчетъ ихъ со всѣми ихъ начинаніями своимъ копытами и хоботами и своимъ гнуснымъ дыханіемъ отравляетъ общественную атмосферу, — бороться пока не добьются именно *права человѣка* хоть въ томъ *минимумѣ*, который мы выписали выше.

Рядомъ же съ этой борьбою и послѣ ея завершениія болѣе прогрессивныя группы будутъ вести свою другую работу для болѣе широкихъ результатовъ. Такъ понимаемъ мы настоящую задачу всѣхъ прогрессивныхъ группъ въ Россіи.

Теперь даже публицисты всякихъ „Голосовъ“, „Береговъ“, „Новыхъ Временъ“ и т. п. не смѣютъ уже отрицать справедливости требо-

ваний этихъ правъ человека. Они только смытъ находить, что намъ не къ лицу ихъ требовать, или что другое не такъ добиваются ихъ, какъ бы слѣдовало. А какъ же добиться ихъ, — скажите Вы, которыми будто бы больше къ лицу требовать этихъ правъ? — Лакействомъ, восхваленіемъ Мещаниновъ, виляніемъ??

Вы трепещете, какъ бы теперешнее „отрадное теченіе въ администрації“ не было остановлено какимъ нибудь пассажемъ, — Вы грозитесь прихлопнуть насъ въ такомъ случаѣ такъ, что отъ насъ и сѣда не останется. Такъ стѣмѣтъ же отрадить себя отъ всякихъ „случайностей“, т. е. съумѣтъ сдѣлать такъ, чтобы Васъ и нельзя было бить за чужую ину. Вотъ, европейскіе либералы съумѣли же! Пассантамъ было приговорено, — а партии хвалимаго Вами республиканца Кайроли осталась не только цѣла, но даже въ министерствахъ. Правда, итальянскіе либералы когда то сами конспирировали съ Машини и дрались съ Гарибальди противъ деспотовъ, сослуживцевъ нашего Николая Павловича. Правда, на Западѣ и самъ усмиритель парижской коммуны 1871г.. Тысячъ 1830г., „прихлопывать“ не республиканцевъ и социалистовъ, — (которыхъ, замѣтимъ, и прихлопнуть до бесѣдѣности трудно, такъ какъ имъ принадлежитъ будущее), — а старую монархію, пытавшуюся жить въ лицѣ Карла X, и началь вмѣсть съ Арманомъ Каррелемъ болльскую революцію. Объ этомъ стоитъ подумать российскимъ Арманамъ Карреламъ и Тьерамъ!

Говоря это, мы, конечно, имѣемъ въ виду не сотрудниковъ „Голоса“, — которые въ свое время достаточно лебезили передъ грр. Шуваловымъ и Толстымъ, сегодня лебезятъ передъ гр. Лорис-Меликовымъ, — а завтра будутъ лебезить передъ какимъ нибудь новымъ душителемъ и вѣшателемъ. Но есть же въ средѣ российскихъ литераторовъ и ученыхъ люди и почище, — напр. тѣ, которые недавно перехъ памятникомъ Пушкина въ Москвѣ провозглашали тосты за свободу ума и слова, — которые искренно, вѣроятно, жалѣютъ молодежь и тревожатся при видѣ экономическихъ бѣдствій народа. Пусть бы они выступили съ откровеннымъ словомъ и научили настъ о томъ, — какъ, думаютъ они, можетъ быть установлена и обеспечена въ Россіи свобода ума и слова, окружена молодежь отъ террора гр. Толстыхъ, Черновыхъ, Тодтлебеныхъ, — и вообще ограждены *права человека*, — а имѣстъ съ тѣмъ какъ могутъ быть устранины въ Россіи экономическихъ бѣдствій народа, — бѣдствія, зависящія и отъ прошлого и настоящего крѣпостническаго строя общества и государства, и отъ грядущаго господства капиталистовъ? Пора бы уже „благоразумнымъ и умѣршимъ“ людямъ, не желающимъ террора ни полицейскаго, ни революціоннаго, ни мужинскаго, (несомнѣнно, начинавшагося) — попробовать дать свои ясные отвѣты на эти „прекрасныя вопросы!“

M. Драгомановъ.

Женева

3 июня 1880 г.